

Систематизация законов Российской империи М.М. Сперанским

Автор: А.В. Мицкевич – главный научный сотрудник ИЗиСП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

«Журнал российского права», 2001, № 5.

1. Историческая обстановка начала XIX в. и предпосылки систематизации законодательства Российской империи

Государственные преобразования эпохи царствования Александра I (1801–1825) как в сознании современников, так и потомков, в первую очередь связаны с именем М.М. Сперанского, выдающегося политического деятеля, подлинного реформатора устройства государства Российского*(1). Его сочинения и деятельность оказали большое влияние не только на развитие законодательства, но и сформировали общественные взгляды передовых слоев служилого дворянства, в особенности офицеров, принявших активное участие в Отечественной войне 1812–1814 гг. и воочию лицезревших результаты буржуазных революций в Европе. Сопоставление европейского и русского опыта социально-политического развития все более укрепляло передовые круги дворянства во мнении о необходимости проведения коренных реформ. В начале XIX в. идеи отмены крепостничества (П.И. Пестель) или наделения крестьян собственными участками земли (Н.М. Муравьев) получили развитие в движении декабристов. Однако главное внимание вождей декабристов было обращено на введение в России конституционного правления по европейскому образцу.

Проекты реформ Михаила Михайловича Сперанского, будучи ориентированы на базовые принципы западноевропейского государственного устройства, тем не менее ни в коей мере не подвергали сомнению сохранение самодержавной власти. Кроме того, далеко не все проекты государственных преобразований М.М. Сперанского нашли свое воплощение в жизни*(2). Не была осуществлена ревизия законов, принятых прежними государями российскими, и иных актов государственных учреждений ввиду полного бездействия Комиссии по составлению законов, возглавлявшейся с 1812 г. князем П.В. Лопухиным. Так и не было выработано новое законодательство.

Высочайшее утверждение части реформ, предложенных М.М. Сперанским, было встречено сопротивлением со стороны чиновного дворянства, которому преобразование прежних бюрократических учреждений, зачастую бездействовавших и занимавшихся рутинной, угрожало в первую очередь. За государственными же чиновниками стояли их знатные влиятельные родственники. По сути, преобразования Сперанского бросали вызов всей системе государственной службы в Российской империи, построенной

на принципах патроно-клиентских отношений и протекционизма. Средство защиты своих интересов чиновное сословие и его дворянские покровители нашли в том, чтобы опорочить Сперанского – этого «выскочку-поповича» – в глазах Императора. Государственный секретарь нового Совета был обвинен не только во взяточничестве и измене Родине, но и в попытках поколебать власть самого Императора, отстранив государя от управления империей*(3).

Наветы, многим из которых сам Александр не верил, тем не менее спровоцировали неприязнь государя к поведению своего государственного секретаря. После достаточно жесткого разговора, состоявшегося 17 марта 1812 года и завершившегося фразой Императора «Обстоятельства требуют, чтобы на время мы расстались», Сперанский по государеву предписанию в ту же ночь (беседа с Александром закончилась в 23 часа) был отправлен в ссылку: сначала в Нижний Новгород, а затем в Пермь. По прошествии почти трех лет ссылки указом государя Сперанский был назначен губернатором Перми, затем – генерал-губернатором Сибири. После подачи нескольких прошений об отставке ему было пожаловано небольшое имение Великополье в Новгородской губернии, где Сперанский вместе с дочерью проживал «на воле», но без разрешения въезда в Петербург. За рассматриваемым ходом событий нельзя не угадать попыток подольше оттянуть, а то и вовсе не допустить возвращения М.М. Сперанского в Санкт-Петербург.

Возвратился он в столицу лишь 22 марта 1821 года, то есть через девять лет после изгнания. И хотя Александр I проявил заботу о назначении Сперанского членом Государственного совета, пожаловал ему немалое имение в Новгородской губернии, а его дочери Е.М. Фроловой-Багреевой - звание фрейлины, а также утвердил ряд предложений Михаила Михайловича об управлении Сибирью, – мечтам Сперанского о дальнейшем сближении и сотрудничестве с верховным правителем России уже не суждено было сбыться. Во время поездки Императора на Юг России последовала его неожиданная и загадочная смерть в Таганроге, причины которой остались неизвестными*(4).

Неожиданная кончина Александра I вызвала серьезные потрясения в высших эшелонах власти. Возникла необходимость законного решения вопроса о наследнике престола, вызвавшая некоторое замешательство в кругах верховной власти. Казалось ясным, что им должен был стать следующий по старшинству сын Павла I Константин Павлович*(5). Но он, состоя в неправославном браке и выполняя роль наместника Польши, решительно отказался от престола. Николай Павлович, в свою очередь, также вначале отказывался от власти в пользу Константина. Однако специальным, не оглашенным ранее решением Александра I именно он, то есть великий князь Николай, еще в 1823 году был объявлен наследником престола. Возникшая неувязка вызвала значительную задержку решения вопроса о престолонаследии*(6), что послужило «искрой», из которой «возгорелось пламя» восстания декабристов 14

декабря 1825 года – в день присяги войск и общества новому Императору Николаю Павловичу.

Причины, вызвавшие восстание, последствия его подавления для судеб Российского государства хорошо известны. После подавления вооруженного выступления декабристов важнейшим лозунгом и целью правления Николая I стало недопущение какого-либо свободомыслия, обновления российских порядков. С первых шагов Николай I стремился к упрочению и сохранению незыблемости самодержавия в России, консервации режима. Реформы государственно-политической системы по существу были свернуты*(7).

Вместе с тем новый Император обратил внимание на чрезвычайную запутанность законодательства Империи, состоявшего из бесчисленного множества законов, «боярских приговоров», указов самодержцев и иных актов, издававшихся начиная с 1649 г. (Соборное уложение царя Алексея Михайловича), а также на ряд неудачных попыток его кодификации, предпринимавшихся в течение почти 125 лет*(8). За этим последовали важные события, непосредственно касающиеся М.М. Сперанского и его деятельности по систематизации законодательства Российской империи.

Уже в период непредвиденного междуцарствия Николай, по совету своих приближенных (князя Голицына и графа Милорадовича), поручил М.М. Сперанскому, как человеку наиболее опытному в составлении государственных актов, написать Манифест о провозглашении его Императором. Это было первым поручением нового государя М.М. Сперанскому, которое, естественно, было со всей тщательностью исполнено.

Было бы неправильным, однако, воспринимать это важное поручение как выражение полного доверия нового Императора всероссийского к сановнику, недавно возвращенному из опалы. Более того, расследование восстания 14 декабря 1825 года указывало на Сперанского как на невольного вдохновителя и даже доверенное лицо среди декабристов*(9). Это не могло не вызывать тревогу у Николая I. Расследование показаний о причастности высших сановников Государственного совета к движению декабристов продолжалось, хотя содержалось в большой тайне. По невыясненным причинам материалы секретного расследования в архивах не сохранились. И хотя следствие не установило факт причастности Сперанского к «заговору», у Николая I оставались сомнения в его лояльности. Этим можно объяснить то обстоятельство, что именно Сперанскому было поручено разработать проект Манифеста о Верховном уголовном суде по делу декабристов, который был одобрен Николаем I*(10). Очевидно, для М.М. Сперанского это был самый жесткий экзамен на верность новому Императору.

Отношение Николая I к фигуре Сперанского было весьма противоречиво. М.А. Корф, главный биограф М.М. Сперанского, «несравненно замечательным обстоятельством» считал то, «что Император Николай избрал Сперанского для дела, столь близкого его сердцу, отнюдь не по какому-либо особому доверию к образу его мыслей и действий, а только по необходимости, не находя вокруг себя никого к тому более способного»*(11). Несмотря на очевидные для нового Императора высокие умственные и деловые достоинства Сперанского, у Николая были серьезные предубеждения против его политических идей и вообще против его

характера. Так, спустя несколько недель после восстания 14 декабря 1825 года в частной беседе он выразился о Сперанском «чрезвычайно резко, в самых неблагоприятных выражениях». В другом случае, назначая начальником Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии проф. М. И. Балугьянского, прямо наставлял его: «Смотри, чтобы он не наделал таких же проказ, как в 1810-м году: ты у меня будешь за него в ответе». Лишь впоследствии, оценив блестящие способности М.М. Сперанского, обеспечившего успешный ход работы Второго отделения с. е. и. в. Канцелярии и ответственное выполнение доверенных ему поручений, Николай «совершенно изменил свой взгляд на прошедшее Сперанского и стал оказывать ему все более и более доверия»*(12).

Так, постепенно М.М. Сперанский стал ближайшим доверенным лицом для Николая I. Именно в царствование Николая I под руководством М.М. Сперанского была произведена кодификация российского законодательства. Напомним, что безуспешные попытки создать единый Свод законов Российской империи предпринимались свыше 130 лет со времен петровского Указа 18 февраля 1700 года о создании Комиссии по подготовке нового Уложения*(13).

Каким же образом складывались деловые отношения М.М. Сперанского с новым Императором всероссийским? Ответ на этот вопрос состоит не в выяснении симпатий или антипатий всеильного государя к своему ближайшему помощнику. От завоевания доверия и укрепления в сознании Николая I важности и целесообразности предлагаемых М.М. Сперанским мер напрямую зависело решение вопроса о том, будет ли в России разумное законодательство, доступное для прямых исполнителей власти.

Первые обращения М.М. Сперанского к Николаю I по вопросам законодательных работ были обусловлены его должностным положением. После возвращения в Санкт-Петербург 17 июня 1821 года Сперанский был назначен Александром I членом Государственного совета по департаменту законов*(14). 11 июля того же года ему также было поручено, «ввиду временного отсутствия председателя комиссии по составлению законов кн. Лопухина, временно управлять комиссией законов, и, вместе с тем, обозреть работы этой комиссии» (выделено мною. – А.М.). По этому поручению Сперанский представил в Государственный совет свои замечания, которые были рассмотрены и в основном одобрены Александром*(15). По вступлении на престол Николая I главноуправляющий Комиссией законов М.И. Балугьянский представил новому Императору отчет по управлению Комиссией, а Сперанский – четыре записки о предложениях к «окончательному составлению книги законов»*(16).

Существование этих записок кратко можно свести к следующему. М.М. Сперанский находил, что состав Комиссии по составлению законов (последней, десятой по счету после памятного Указа Петра I 1700 г.), созданной при Александре I, был очень слабым, а плоды ее деятельности

составляли только «начатки трудов по подготовке Уложения, и то несовершенно». Поэтому он признавал необходимым «озаботиться и лучшим устройством Комиссии: и лучшим выбором людей», что дало бы возможность в течение двух лет окончить «все своды законов гражданских, уголовных, полицейских и хозяйственных», а также подготовить издание полного собрания законов в хронологическом порядке.

Кроме того, изложив свое понимание существа и разновидностей законов, М.М. Сперанский предлагал: а) для законов судебных (то есть уголовных и гражданских, с подлежащими законами судопроизводства) издание их «во всех «четырёх видах» (то есть в виде сводов, уложения, учебных книг и комментариев); б) для законов полицейских и хозяйственных – издание «в виде свода»*(17).

Для реализации этой задачи предлагалось, во-первых, поручить составление уложений, гражданского и уголовного, особому лицу в сотрудничестве с Комиссией; во-вторых, составление всех сводов, а также «создание собрания законов в хронологическом порядке» передать Комиссии по составлению законов, учредив ее при Государственном совете, которому должен был быть передан контроль за работой Комиссии*(18).

Оценка Николаем I предложений Сперанского, содержащихся в данной записке, по-разному освещается в литературе. Единодушны все авторы лишь в двух пунктах: во-первых, Император отверг предложения о составлении новых уложений (законов). Крылатыми стали его слова: «Вместо сочинения новых законов я велел собрать сперва и привести в порядок те, которые существуют»*(19). Во-вторых, Император предпочел не подчинять Комиссию Государственному совету, но ввести ее в состав с. е. и. в. Канцелярии «для успешного совершения трудов Комиссии (кн. Лопухина), принять труды, порученные Комиссии, в непосредственное мое ведение: учредив в собственной моей канцелярии особое для них отделение, и закрыть прежнюю Комиссию»*(20).

Оба названные повеления Императора Николая I, изданные вслед за рескриптом 31 января 1826 года князю Лопухину о преобразовании его Комиссии составления законов, определили направление решения вопроса о систематизации российского законодательства за целое «столетие с четвертью». Были ли оба они собственно «николаевскими» или опирались на советы Сперанского? К сожалению, ответ на этот вопрос в литературе царской России не столь однозначен, как и его разрешение современными исследователями. Вопрос этот нуждается в более тщательном документальном исследовании.

В своем итоговом «Обозрении исторических сведений о Своде законов» М.М. Сперанский, документально рассмотрев деятельность всех десяти комиссий XVIII – начала XIX вв., подтверждает правильность и обоснованность решений Николая I, приведенных ранее*(21). Составление свода законов требовало всестороннего, глубокого, тщательного научно-практического подхода ко всей массе законов и иных актов, принятых со времен Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 года.

В составе администрации Николая I не было ни одного другого человека, достаточно образованного и опытного в вопросах систематизации законодательства, каковым был М.М. Сперанский. И, конечно, нельзя не признать, что разносторонние познания Сперанского, его опыт оказывали влияние на мнение государя.

Существовала прямая связь между самим Императором и непосредственными исполнителями систематизации законодательства, то есть Сперанским и сотрудниками Второго кодификационного Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Самодержец непосредственно вникал и, как правило, одобрял проекты, предлагаемые Сперанским и его сотрудниками, а также щедро поощрял их успехи.

Таким образом, организация работы именно по систематизации законодательства, накопленного за полтора столетия развития Российской империи, принадлежала целиком самому Императору. Приняв дело к своему ведению, Николай I обеспечил, во-первых, привлечение к организационно-методическому руководству работой Второго отделения с. е. и. в. Канцелярии выдающегося деятеля российской администрации в лице М.М. Сперанского*(22). Во-вторых, этим шагом он обеспечил успех главной задачи своего царствования – «направления политики государства по пути консервативного и бюрократического образа действия, поддерживая существующее с помощью чиновников»*(23). И, наконец, в-третьих, Николай I, опираясь на М.М. Сперанского, обеспечил совершенствование законов и правоприменительной практики царской России, оказавшее позднее значительное влияние на развитие как советского законодательства, так и законодательства новой России. Это бесспорное достижение русской правовой культуры будет находиться в центре внимания нашего исследования.

2. Основные пути систематизации законодательства Российской империи, выработанные М.М. Сперанским

Российское законодательство начала XIX в. пребывало в состоянии глубокой запущенности. Истоки такого положения дел следовало искать в самом начале XVIII в., когда бурная деятельность Петра I по преобразованию России «на европейский лад» нашла свое отражение во многочисленных указах, уставах, стандартах, во многом заимствованных из законодательства передовых государств континентальной Европы, прежде всего – Германии, Швеции, Голландии. Именно во время царствования Петра I Россия стала быстро превращаться в абсолютную монархию во главе с Императором, все более сосредоточивавшим в своих руках политическую, административную и военную власть, активно влиявшую и на хозяйственную жизнь страны; при всем этом сохранялось и даже развивалось крепостничество.

Преобразование Российского государства в Империю породило характерное для абсолютистского государства бурное развитие

законодательства во всех сферах жизни государства и общества. Число и разнообразие принимаемых законодательных актов росло как на дрожжах. Указы, законы, повеления множились, охватывая все разнообразные сферы жизни общества: развитие промышленности и торговли, наследование собственности (Указ Петра I о единонаследии), изменение порядка прохождения государственной службы, ставшей главной привилегией дворянского сословия. Однако единой системы законодательства не существовало.

Подробно реформы Петра I охарактеризованы не только в специальных монографиях по истории Российского государства, но и в современной учебной литературе по истории Российского государства и права. Наша задача состоит не в исследовании содержания отдельных законов, а в оценке общего состояния российского законодательства в период с начала XVIII и до конца первой четверти XIX века.

Справедливости ради нельзя не отметить, что первым, кто заметил необходимость упорядочения разрозненного законодательства, был Петр I, по этому поводу им был издан Указ 18 февраля 1700 года, в котором он повелел: «Снести Соборное Уложение 1649 года с Постановлениями, после него состоявшимися, то есть с Новоуказными Статьями, с Именными Указами и с Боярскими приговорами по частным делам вершенными»*(24).

Сам Петр I к проблеме "сносения" нового законодательства со старым больше почти не возвращался, хотя и видел затруднения в применении новых законов, «служивших пояснением и дополнением к Уложению 1649 г., но чаще затруднявших и тяготивших его своим разнообразием и противоречиями»*(25).

Повеление Петра I породило целую череду комиссий «об Уложениях»*(26). Деятельность этих комиссий то активно разворачивалась, то ослабевала, но ни одна из них так и не выработала единого законодательного документа. Все же на протяжении XVIII – начала XIX вв. работало десять таких комиссий.

В чем же были причины этого странного «топтания на месте»? На этот вопрос не дала ответа ни одна из десяти комиссий. Комиссии приступали сразу к составлению новых Уложений, без глубокого, совокупного обозрения всего материала, накопленного за полтора столетия развития законодательства*(27). Не сопоставлялись связи между законами, часто «не только к одному разряду принадлежащие», но и связанные с другими «разрядами». Комиссии XVIII – начала XIX столетий, таким образом, спешили «скорее творить, составить новые проекты законов, нежели углубляться в изыскания законов прежних, что было делом всегда многотрудным и притом не блистательным»*(28). А надо было «начинать с точных, систематических Сводов» законов, которые «во всех законодательствах всегда предшествовали новым или исправленным Уложениям»*(29).

Подобная оценка прошлого опыта проведения кодификационных работ определила подход М.М. Сперанского к систематизации законодательства

Российской империи: предполагалось издать два взаимообусловленных собрания законов Российской империи:

1) Полное Собрание отечественных законов, изданных с 29 января 1649 года по 12 декабря 1826 года*(30);

2) Свод законов Российской империи, охватывающий все действующее законодательство на день его издания в 1826 г. с последующими изменениями и дополнениями, вносимыми в Свод.

Эта гигантская задача, так и не решенная всеми предыдущими комиссиями, была выполнена в ходе работы Второго отделения с. е. и. в. Канцелярии под непосредственным руководством М.М. Сперанского и прямом патронаже и надзоре Императора Николая I в течение всего лишь семи лет (1826–1833).

Таково краткое изложение вклада М.М. Сперанского в развитие российского законодательства, сделавшего обозримыми и доступными источники законодательства, тем самым упорядочившего правоприменение в Российской империи.

Впоследствии система законодательства Российской империи послужила образцом для систематизации как законодательства СССР, так и ряда зарубежных стран, была использована для работы над созданием Свода законов Российской Федерации. Проект Свода законов был внесен в Государственную Думу еще в 1996 году. Сейчас, когда в России активно обновляется законодательство и намечаются новые пути его развития, было бы неразумным, повторяя ошибки прошлого, откладывать создание Свода законов на долгие годы.

А.В. Мицкевич,
главный научный сотрудник ИЗиСП,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

«Журнал российского права», № 5, май 2001 г.

---

* (1) См.: Томсинов В.А. Светило русской бюрократии (М.М. Сперанский). М., 1997. Гл.4. С.24–126.

* (2) Главным из них было учреждение Государственного совета. Было начато также преобразование петровских коллегий в министерства (см. об этом: Томсинов В.А. Указ. соч. Гл. II). Преобразование единого Сената в Правительствующий и Судебный, предлагавшееся Сперанским, не было доведено до конца и осталось лишь проектом (см. об этом: Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. V. С.199–207).

* (3) См. об этом: Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. С. 306–307; Томсинов В.А. Указ. соч. С.115-136; Чибиряев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М.: Наука, 1989. Гл. I, II.

* (4) Сейчас существуют предположения, что она последовала от заболевания холерой.

* (5) Как известно, Александр I не имел своих детей, которые обладали бы по законам о престолонаследии преимуществом перед братьями умершего Императора.

*(6) Как метко заметил В.О. Ключевский, «благодаря таинственности, которой был облечен вопрос о престолонаследии: великий князь Николай принес присягу Константину, а в Варшаве старший брат Константин принес присягу младшему, Николаю. Начались сношения, при тогдашних дорогах занявшие много времени. Этим временем междуцарствия и воспользовалось Северное тайное общество» (см.: Ключевский В.О. Указ. соч. Т.V. С. 230).

*(7) См. об этом: Ключевский В.О. Указ. соч. Т.V. С.239–242.

*(8) См.: Корф М.А. Указ. соч. С.299; Томсинов В.А. Указ. соч. С. 213–214.

*(9) На первых же допросах арестованных декабристов некоторые из них назвали только двух членов Государственного совета, которых они хотели бы привлечь к разработке основ конституционной монархии, – Н.С. Мордвинова и М.М.Сперанского (см. об этом: Томсинов В.А. Указ. соч. С.216–217).

*(10) Эти страницы биографии М.М. Сперанского подробно описаны проф. В.А. Томсиновым (см.: Указ. соч. С.221–230).

*(11) См.: Корф М.А. Указ. соч. С.305–306.

*(12) См.: Там же. С.306–307.

*(13) См. об этом: Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С.7–8.

*(14) См.: Майков П.М. Второе отделение собственной его Императорского Величества Канцелярии. 1826–1882. Исторический очерк. СПб., 1906. С.136–137.

*(15) См.: Майков П.М. Там же.

*(16) См.: Там же. С.138–140; Майков П.М. О Своде законов Российской Империи. СПб., 1909. С.6–8; Корф М.А. Указ. соч. Т.I. С.200–202.

*(17) См.: Майков М.П. Второе отделение.: С.139; Он же. О Своде законов: С.7–8.

*(18) См.: Майков П.М. О Своде законов: С.8.

*(19) См.: Корф М.А. Указ. соч. С.300. Здесь М.А. Корф цитирует речь Николая I на примечательном заседании (19 января 1833 года), когда Совету был предложен Свод законов.

*(20) См.: Корф М.А. Указ. соч. С.302-303; Майков П.М. Второе отделение... С.140–141.

*(21) См.: Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С.62–63; 70, 79–81.

*(22) Главнуправляющим Второго отделения с. е. и. в. Канцелярии был официально назначен М.И. Балугьянский - один из немногих в то время профессоров права, добросовестный чиновник, обладавший значительными познаниями в области права. Однако еженедельные доклады государю о работе Второго отделения делал сам Сперанский. Таково было распоряжение Императора. Балугьянский же заведовал внешними сношениями Второго Отделения с другими государственными органами. См. об этом: Майков П.М. Указ. соч. С.141–142.

*(23) Ключевский В.О. Указ. соч. Т.V. С.241.

*(24) Цитируется по сочинению М.М. Сперанского «Обзорение исторических сведений о Своде законов». СПб., 1833. С.7–8.

*(25) См.: Там же. С.10.

*(26) См. об этом: Там же. С.34–41.

*(27) См.: Обзорение... С.58–59.

*(28) См.: Там же. С.60–61.

*(29) См.: Там же. С.65.

*(30) Позднее было издано второе Собрание, охватывавшее период с 12 декабря 1825 года по 1 марта 1881 года (то есть за период царствования Николая I и Александра II); а затем и третье – с 1 марта 1881 года по 27 декабря 1893 года (царствование Александра III). См.: Корево Н. Об изданиях законов Российской империи 1830–1899 гг. СПб., 1900. С.52–62.